

ТРУА КАР СПРАВА!

«Труа кар справа», — скомандовала нашему фотографу Татьяна Егорова.

И добавила: «Я знаю, что говорю, я в кино снималась 152 раза».

Актриса, скандализировавшая публику бестселлером

«Андрей Миронов и я. Драма жизни», выходит из образа мемуарной героини и **объявляет войну Театру сатиры и лично художественному руководителю Александру Ширвиндту.**

Яна ЖИЛЯЕВА

— Татьяна Николаевна, вы сознательно такая смелая?

— Одна журналистка написала, будто я в книге сняла с себя кожу. Ничего я не снимала. Я из театра ушла 12 лет назад. Там речь идет о событиях, которые происходили 20—30 лет назад.

Я должна была памятник Андрею поставить. Когда моя книга вышла, Миронова уже начали забывать. И так бы и забыли.

Написала бы серо и скучно, не получилось бы памятника. Моя книга про Андрея — четвертая по счету. И Голубкина надиктовала «Биографию Миронова», и журналисты, и театроведы писали. Но книги прошли незамеченными. А у меня — мешки писем.

Сейчас об Андрее вспоминают «друзья». Но из этого списка «друзей» выпали действительно близкие Андрею люди. Неспорядливо забыл Игорь Кваша.

Золотыми буквами в друзья семьи Мироновых надо вписать Олега Табакова. Он первым протянул руку помощи Марии Владимировне, когда она осталась в беде и одиночестве на старости лет, похоронив своего сына. Табаков пригласил ее в театр, он ей продлил жизнь. А потом Иосиф Райхельгауз поставил для Мироновой и Глузского пьесу «Уходил старик от старухи».

И Геннадий Гладков, и Марк Захаров, и Юрий Темирканов с женой Ирой — вот это подлинные друзья. Они никогда не за-

гиб на подмостках театра.

Но вот сейчас так же глумятся над больным стариком Валентином Николаевичем Плутчем. И никто его не защитил, кроме меня. А я подумала: что бы сделал Андрей? Он бы презрел эти страшные отношения и вступился бы за Плутча. Если бы он решил стать главным режиссером, то поставил бы два спектакля, и ему бы дали театр в Москве. А Ширвиндту никто театр не предлагал и не собирался, поэтому ему пришлось совершить эту низость.

Сейчас Александр Анатольевич Ширвиндт готовит спектакль «Андрюша». Название мне не нравится. Миронову не пять лет, и он не Андрюша. Он истинный народный артист, наша национальная гордость. Может быть, Ширвиндт готовит акт покаяния перед Андреем. А может быть, просто лакирует свою Маску.

Премьера назначена, разумеется, на 8 Марта, на день 60-летия Андрея Миронова.

Я смотреть не пойду. Мне Мария Владимировна Миронова завещала никогда не переступать порог этого театра. Но Александру Анатольевичу я хочу посоветовать: уж коли он забрался в кресло главного режиссера, почему бы не назвать театр именем Андрея Миронова? Вот и посмотрим, друг он или просто маска.

— Вы много лет были рядом с Мироновым, не будучи его женой. Без ролей, без денег. Где вы нашли силы все вынести?

Мария Миронова завещала мне никогда не переступать порог Театра сатиры

видовали Андрею и ничего от него никогда не хотели. А другие все время пытались Миронова использовать. Снять в своем фильме для популярности, навешать на него какую-нибудь жуткую песенку. А он не мог отказать... 7 января исполнилось 90 лет Марии Владимировне Мироновой. Она создавала Дом актера на Арбате, завещала свою квартиру Театральному музею имени Бахрушина. На могилу к Марии Владимировне не пришел никто. В Доме актера не устроили вечер памяти даже в малом зале.

— После выхода книги вы включились в театральную борьбу...

— Я не включилась. Я продолжаю свою борьбу и борьбу Марии Владимировны. Она ни при каком случае не упускала возможности клюнуть театр, который очень плохо обошелся с Андреем Мироновым.

Последние годы в театре были мучительными, издевательскими. После смерти Папанова на Андрея навалился весь репертуар Анатолия Дмитриевича, но у него не было сил отказать. И Андрей трагически по-

— Бог давал. В театре есть такой прием: «Только не надо себя жалеть». Сама себя будешь жалеть — зритель не пожалеет. А церковь говорит: не скорби, а мысли.

Когда мне в театре не давали ролей, я стала писать пьесы. Приходила счастливая, сияющая. Подруги спрашивали: «Влюбилась?!» Работы нет, брала больничный — и на неделю в Гагры ранней весной. А там — свежие овощи, «Изабелла», солнце. На работу выходила счастливая, загорелая, в белом платье.

Я по природе своей человек радостный. И очень многое у меня в жизни складывалось само собой. На меня упал с неба издатель Игорь Захаров и предложил написать роман о Мироновой и Минахере. Я сказала: как можно писать роман, когда это известная супружеская пара? Когда начинается семейная жизнь, не до романов. А вот я могу написать о себе и Андрее Миронове. А Захаров про наши отношения ничего не знал, для него это было полной неожиданностью. И он попросил написать план и одну

главу на пробу. Я принесла главу, как съездила Андрею дуршлагом по затылку, когда встретила его на улице с какими-то девушками. Когда Захаров это прочел, велел писать немедленно.

А у меня, как на грех, сплошные переезды. Летом я у себя в «имении», в деревне. А там надо устраиваться, водопровод ремонтировать. В июне обрушился дикий ураган, полкрыши унесло. А потом пришлось ехать на дачу Марии Владимировны. Но я ничего не распаковывала — знала, что жить там не придется. Потом — дефолт. Звонят квартиранты (я сдавала квартиру — не на что было жить) и говорят, что платить больше не будут. Тут уж я перекрестилась: Бог послал. Не надо никаких денег, буду работать. Но тут силы меня покинули, и я сбежала в Египет. Вернулась оттуда 18-летним бутонем. И закончила роман.

— Говорят, что Захаров заставлял вас переписывать рукопись, добавлять интимные подробности...

— Это неправда. Мы договаривались, что редактора у книги не будет. Править будем вдвоем — я и Захаров. Но вышло так — за одну ночь мне предложили внести правку в уже отредактированную рукопись. Что я пережила за эту ночь! Руки тряслись от напряжения. Название у книги оказалось не мое: «Андрей Миронов и я. Драма жизни» придумал Игорь Захаров. Он же расшифровал псевдонимы на последней странице, сославшись на то, что раз жанр драмы, то должны быть «действующие лица и персонажи».

Сейчас я пишу новый роман. Уже не автобиографический. Но документальный... Я очень люблю процесс. Это такое счастье! Нет ничего на свете радостней, чем удачно подобранное слово, схваченный ритм. Когда пишу и нахожу нужное сравнение — могу три дня ходить и петь от счастья. Например, когда написала главу про Юлиана Семенова, успокоиться никак не могла, все сияла.

— Там в книге непонятно, соблазнил он вас или нет?

— Ничего между нами не было. Я Андрюшу любила. Просто мы тогда были безбожные, безграмотные. Библию не читали... Слава Богу теперь иначе.

«Без Бога не до порога», — как говорила Мария Владимировна. — Широко шагнешь — портки порвешь, «тронешь — портки сронишь», «вам за мной говном плыть по реке 12 верст», «замыслы Наполеона, а свод печника Ермилы»...

— А как вы думаете, Мария Владимировна там, наверху, книжку вашу одобряет?

— Одобряет. Она так мечтала жить в века! Сейчас говорят, что у меня не роман, а компромат на семью. Но если бы я ее «подлакировала», она бы мне сказала: «Да что из меня какого-то сюсюканца сделали». А так получилась героиня в развитии. В Нью-Йорке в русских газетах так и писали: Мария Владимировна — главная героиня книги. Лесковская сила!

А когда мы с ней вдвоем остались и она говорила: «Танечка! Я вас прошу меня сжечь и похоронить в могилу Андрея», я отвечала: «Мария Владимировна, только с одним условием. Если вы умрете раньше». Потому что характер был такой, что все в страхе убегали.

Я, когда книгу писала, ничего не хотела ни судить, ни обижать. Я просто писала о победе любви над смертью, о торжестве любви, я будто сфотографировала нас с Андреем. А окружающие попали в кадр.

— В книге описано видение: вы танцуете с Андреем на мосту. Прошло много лет, Андрея нет, но танец продолжается. А что случилось на самом деле?

— Книга вышла в свет. Мне приснился сон, будто на мосту меня ждет седовласый человек. И я поехала в Пахру на дачу. Подхожу — действительно стоит седой мужчина. Но не Андрей. Сергей. Мы поженились. Уже год живем вместе.

Я думаю, Мария Владимировна, Александр Семенович и Андрей собрались там втроем наверху и решили: «Пусть Танька будет немножко счастлива на земле» и послали мне Сергея Леонидовича.

Так что у меня на небесах три ангела-хранителя. А я у них здесь.